

ЧЕЛОВЕК В ГИБРИДНОМ МИРЕ: ГРАНИЦЫ ПОСЛЕ ПОСТМОДЕРНА

И.В. Гибелев

Аннотация. В статье обсуждаются философские условия понимания культурной ситуации, которая начинает складываться с окончанием постмодерна. Методологическим основанием обсуждения является онтологическое прочтение трансцендентальной феноменологии, где на первый план выдвинута проблема субъективности человека. В зависимости от концептуализируемого в разных манерах рефлексии (постструктуралистской, трансценденталистской, др.) образа субъективности, выстраиваются различные образы культурной и политической реальности.

К настоящему времени граница субъективности ещё не сложилась в таком виде, чтобы определить культурные смыслы современности как открытые будущему. Существующее положение представляет собой равноправное соприсутствие логоцентризма и деконструктивизма, которое составляет гибридность культуры.

В гибридном мире намерение настаивать на приоритетности логоцентрического (связанного с архаикой, до-модерном или глобализмом) или постмодернистского образа мира является одинаково необоснованным и разрушительным. В свою очередь, их равноправное соприсутствие оказалось парадоксальным – трансцендентальная философия (например, в лице Гуссерля и Хайдеггера) и постмодерн предлагают различные способы построения границы субъективности, которые находят свое место в культуре, но ни одна из парадигм не может положить целостность субъективности. Причину этого предлагается видеть в заданном философским модерном способе конструирования отношения мысли и внемысленного – в претензии мысли на полное авторство в отношении с иным. Постмодерн выступил самокритикой модерна, однако предложить экологичное решение проблемы субъективности и положительные определения культуры после постмодерна должна трансцендентальная философия. Именно завершение постмодерна дает основание предполагать, что появляются условия для возобновления трансцендентальной философии в феноменологическом и онтологическом ее рассмотрении, с учетом уроков постструктуралистской критики.

Состояние культуры, в котором граница субъективности может быть синтезирована в рамках онтологического прочтения трансцендентальной феноменологии и после постмодернистской критики культуры, предварительно может быть определено как неомодерн. Такое предварительное определение потребует конкретного обоснования, однако уже сейчас можно заметить необходимость обсуждения форм возможного присутствия сакрального горизонта трансценденции в радикально не-трансцендентном мире. Если философия сможет найти экологичное соотношение трансцендентного и нетрансцендентного в структуре границы субъективности, тогда и прочие границы, существующие в культуре, могут быть гармонизированы.

Ключевые слова. Граница субъективности, трансцендентальная феноменология, постмодернизм, границы в культуре, политические границы, гибридность, неомодерн.

Границы культуры, открытые будущему

О каких бы границах не шла речь в современных гуманитарных исследованиях и в практической деятельности, необходимость их понимания как фундаментального условия полагания культуры в будущее стала и очевидной, и насущной. Небрежение к жизни границ, нежелание принять их проективную природу – это прямой путь к историческим, национальным, личным катастрофам. Почему речь идёт о будущем и проективности? Нельзя ли принять в качестве исключительного ориентира построения субъективности человека, накопленный опыт поколений, образцы прошлого, великие традиции? Несомненно, от них нельзя отказаться как от исторического наследия, ибо отказ понимать прошлое ведёт к разрушительным культурным следствиям. Но и полагать их в качестве неизменного паттерна культурной жизни может означать признание, как представляется, прекращения всякого инновационного культурного развития? Это так уже по тому простому и объективному философскому основанию (известному ещё досократикам), что человек есть сущее, не равное самому себе, его природа экзистенциальна, открыта иному, а значит, он никогда не исчерпывался и не будет исчерпываться только лишь знанием и ценностями прошлого.

Одной из областей, где трансформации границ в силу глобальной политики и торговли носят наиболее динамичный характер, являются международные политические процессы. Однако как бы ни перекраивался мир под влиянием стратегических решений политических акторов, альянсов сил и экономических интересов, их способность конструировать границы, открытые будущему, вызывает некоторые сомнения. Александр С. Динер и Джошуа Хаген в качестве примера, сочетающего нелепую случайность с надменным имперским произволом, приводят создание границ британской Трансиордании: «Станный геометрический контур иорданских границ, особен-

но его зубчатый восточный край, вызвал предположение, что Черчилль икнул при рисовании этой части... Результатом стала точка саудовской территории, глубоко врезавшаяся в Иорданию, которую иногда называют «Икота Уинстона» [11]. Из этого кейса авторы делают следующий вывод: «...Важно признать, что не существует ни одной политической границы, более естественной или реальной, чем другая. Скорее, все границы являются конструкциями, возникающими в человеческой деятельности» [11].

Если задаться вопросом, какой образ субъективности обнажает тот или иной пример, можно прийти и к иному, имеющему большее философское и культурное содержание, выводу. В настоящем случае нет необходимости разбирать психологию политика и джентльмена, рисующего на карте судьбу государств самым прихотливым образом. Достаточно заметить, что политические границы до скончания веков останутся местом разобщения и конфликтов, если в их структуре не будет представлена новая схема самополагания человека в мире. В ней должны быть гармонично соотнесены два момента: а) внутреннее измерение субъективности (экзистенцию, мысль, полагающую в мир свою собственную, для себя конституцию); и б) её внешнее измерение – жизненный мир другого человека, другой культуры. Это означает по существу необходимость по-философски понять, что такое гармоничное соотношение внутреннего и внешнего, и обнажает необходимость наделения политических границ философским онтологическим содержанием – только так граница может открыть свою потаённую бытийную интимность и продуктивную силу культурного творчества. В противном случае политические, как и все прочие, границы остаются маркером бессодержательных колебаний человека между страхом и надеждой.

В аналитическом материале В.П. Лукина «Глобальность деглобализации» отмечается расширяющийся запрос на гармонизацию международной политики и одновременный дефицит гармонии.

«Если мы обратим взор на современную нам мировую сцену, то увидим, как всё шире, мощнее и острее действует вторая часть вышеприведённой формулы Гераклита – о неизбежности борьбы. Что же касается «прекраснейшей гармонии», то её различные тона складываются явно не гармонично. ... Между тем, термин «гармония» всё чаще появляется в словаре различного рода дискуссий политологов и в повестке дня авторитетных международных форумов» [6] – замечает этот автор. Нет сомнения в том, что термин «гармония» будет всё более востребован на важных международных встречах, ведь он служит знаком лучших побуждений их участников и выражает объективную дисгармоничность международных отношений. В то же время надо заметить, что в современной философской литературе термин «гармония» встречается крайне редко. Причиной тому служит, конечно, не равнодушие к идеалу гармоничного мироустройства, а трезвое понимание исчерпанности классического содержания данного термина (вспомним, например, что для Шеллинга мировая гармония есть достигаемое в искусстве примирение свободы и необходимости) при отсутствии какой-либо его актуализации.

Сегодня философия прилагает огромные усилия для того, чтобы внешняя детерминированность и самодетерминация человеческой субъективности получили положительное толкование в их общей границе, в пространстве жизненного мира. Имея на руках варианты философских решений проблемы границы, человеческой субъективности в ситуации после постмодерна можно подступать к возможностям конкретно-практической их имплементации в проблематике границ международной политики и международных отношений. Тогда, и только тогда употребление термина «гармония» в приложении к международным процессам может получить содержательную обоснованность. В 1852 г. в письме к графу Е.Е. Комаровскому И.В. Киреевский писал: «Мнения философов недолго остаются достоянием учёных кафедр. Что

нынче вывод кабинетного мышления, то завтра будет убеждением масс» [5]. Столь же верно и обратное: «Без философской политики и мудрого хозяйствования, делающих землю садом, не может быть созерцательного покоя» [1].

Нетрудно видеть, что границы учёного кабинета и улицы, философских выводов и политэкономии взаимно проницаемы. Необходимость конкретной философской проблематизации «вопроса о границах», направленной к прояснению происходящих изменений, ощущается тем более остро, чем драматичнее события на мировой арене. При этом в научном и экспертном сообществе настоятельна потребность в создании теоретического языка, не только описывающего и диагностирующего указанный драматизм, но и генерирующего новационный дискурс о границах. По всей видимости, обрести такой язык должна помочь философская концептуализация границы субъективности человека. Конечно, для этого следует владеть языком, формулирующим и разрешающим проблему онтологической конституции субъективности, и транслирующим полученное знание в смежные дисциплины.

Хотя философский поиск не избавлен от внутренних противоречий и разногласий, его продуктивно рассматривать не как арену борьбы непримиримых позиций, а как пространство диалога и преемственности. Сегодня, считает О.К. Румянцев, это пространство складывается в ходе диалога постмодернистских концепций и трансцендентальной феноменологии таким образом, что различие их диалогических взглядов проявляется как разработка альтернативных, но скоррелированных ответов на вопросы классической и постклассической философии. При этом философским содержанием общего интереса современного трансцендентализма и постмодерна является проблема субъективности (свободы) человека. Эта проблема рассматривается в исторической перспективе, в ситуации пространственного поворота, который представляет собой вовсе не преобладание внешнего (пространственного) над

внутренним (темпоральным), но возможность включить экспрессивность иного в самоконституирование разума [7]. Такой ракурс рассмотрения границы субъективности человека представляет собой онтологическое прочтение трансцендентальной феноменологии.

Этот ракурс определяет содержание и общую тональность данной статьи, которая представляет собой попытку, опираясь на онтологическое прочтение трансцендентальной феноменологии, составить предварительный и самый общий взгляд на культурное пространство, открывающееся в ситуации завершения постмодерна. Здесь следует добавить, что при использовании выражений «конец постмодерна», «завершение постмодерна» необходимо проявлять известную осторожность, так как до тех пор, пока не будет предложена положительная характеристика культурного процесса по ту сторону постмодерна, говорить о его окончании будет ошибочным. Тем не менее, существуют серьёзные причины для того, чтобы говорить о внутреннем, концептуальном его исчерпании. Главными аргументами в этой связи можно назвать следующие:

- во-первых, равноправное сосуществование культурных множеств, обоснованное и имплементированное постмодерном в саму жизнь культуры, не может развернуть процесс смыслонаделения из себя самого как своего собственного истока, то есть не может игнорировать трансцендентальную структуру мышления;

- во-вторых, принцип нерепрезентирующего отношения человека к миру находится под вопросом, поскольку тематически может быть обоснован лишь через репрезентацию;

- в-третьих, обнаружилась неизбежность бинарности мышления как элементарной структуры репрезентации при том, что постмодерн фундаментально обосновал недостоверность такой формы присутствия, которая является игрой присутствия и отсутствия. Даже когда Деррида говорит о следе как исчезновении исчезновения, неумолимо речь идёт о присутствии, ибо «след есть стирание

себя, своего собственного присутствия, оно составляет угрозой или страхом своего непоправимого исчезновения, исчезновения своего исчезновения» [4].

Описание исследовательской проблематики, которая открывается вопросом о границах после постмодерна, распадается на два больших блока. Это описание трансформаций предметных областей культуры и определение методологических подходов, в которых граница субъективности тематизируется как культурфилософская проблема, и в таком тематическом виде направляется на освещение нового горизонта культуры.

После постмодерна наступает ... постмодерн

Постмодернистский пессимизм и скепсис относительно светлого будущего человечества возник на обломках мировых войн, концлагерей, ядерных бомбардировок городов, он противопоставлял себя и дегуманизации человека тоталитарной властью и бесовской одержимости финансового обогащения. Но, несмотря на искренний гуманизм, постмодернисты вызвали к себе устойчивую идиосинкразию, что, в общем-то, понятно. Их сократическая ирония не могла не раздражать сознание «реалистов», свыкшееся с идеей естественно данной сущности языка, человека, истории, власти и т.д. С представлением о бесплатности, даровости смысла жить удобно, ведь в таком случае нет основания, чтобы вменить разуму ответственность за создание смысла. Дети живут в естественной гармонии с миром, однако Христос, обращаясь к взрослым, сказал: «Станьте как дети». Но «не останьтесь» детьми. Это означает, что историческое становление как воплощение культуры в истории лежит через принятие тотальной ответственности мысли за тот образ мира, который она строит.

Любопытно заметить, что наиболее плодотворный период постмодерна в политическом отношении был связан с левым движением, тогда как ниспадающий постмодернистский тренд ассоциирует-

ся с правыми неоконсерваторами. Так бывает, когда содержательность культурной новации уже впиталась в плоть культуры, а мыслительные формы остались пустыми, но продолжают казаться многообещающими или не осознаются как выхолощенные. Другими словами, правая неоконсервативная мысль, риторика, политика не обращена в будущее, а значит, не способна его конструировать.

После постмодерна разнообразные границы открывают специфичную культурную ситуацию. С одной стороны, постмодерн сдвинул проблематику пространственного поворота в сторону от трансценденции к имманентности мышления, а с другой, привёл философскую мысль к необходимости конституировать трансцендентность как обязательное условие тематизации субъективности человека. Для постмодерна разрушение препятствий общительности служило одним из мотивов деконструкции трансцендентальной метафизики. Но, в то же время, постмодерн, будучи не чем иным, как критикой дискурса, то есть самокритикой модерна, опознал разнообразные культурные границы как след присутствия логоса. Хотя присутствие и было понято как отсутствующее, но, всё же, оно было знаком, указывающим на присутствие и невозможность его окончательного удаления из культурного мира человека.

В современной рефлексии и культуре ещё не появилось ничего столь новационного, чтобы говорить о преодолённости постмодерна. О.К. Румянцев связывает преодоление постмодерна с пространственным поворотом, прочитываемым как начало формулирования ответа трансцендентальной феноменологии на вызовы современности, эксплицированные постмодерном [7]. Оппозицию внешнего/внутреннего условно можно соотнести с оппозицией постмодерн/трансцендентализм. Продуктивным для понимания состояния культуры после постмодерна такое соотношение станет при том условии, что будет принята методологическая установка на равноправность внешнего и внутреннего и безосновность притязаний одного

из них на полное авторство в полагании границы субъективности.

Культурная ситуация после постмодерна такова, что ни внешнее не важнее внутреннего, ни внутреннее не важнее внешнего. Это означает, что ни мысль, ни иное не имеют онтологической и исторической приоритетности в конституировании границы субъективности. Равноправность соприсутствия иного и мысли для современного этапа становления субъективности человека даёт основание надеяться, что их соприсутствующее отношение может быть понято и выстроено именно как встреча, то есть как взаимная открытость друг другу. Однако в структуре встречи равноправность уступает место такой координации, в которой именно обращённость иного побуждает мысль выступить инстанцией ответственной за полагание горизонта, в котором иное открывается мысли – «чистый образ авторства ... имманентно принадлежащего произведению ... произведённому этим авторством, есть парадоксальный образ внутренней свободы: он есть образ авторствующей мысли, чье *само*-определение определяется *вне*-мысленным» [9].

В свою очередь, ситуация радикальной историчности, которую конечное сущее опознаёт сегодня как единственную актуальную форму исторического существования, подводит онтологическую приоритетность под вопрос, в какой мере принцип приоритетности в построении отношения человека и мира может считаться обоснованным и продуктивным в постистории? Координацию имманентного и трансцендентного планов человека нельзя однозначно рассматривать в логике исторической и онтологической приоритетности. Скорее, они требуют взаимной синхронизации из порядка одновременной взаимной открытости. Взаимная открытость мысли и иного есть вместе с тем их одновременная взаимная открытость. Одновременность говорит о том, что теперь у нас нет исторического порядка следования и исторической приоритетности в том, начинать ли разговор с внутреннего или с внешнего.

Тогда получается, что следует начинать разговор о внутреннем и внешнем сразу же из ситуации тематизированности их встречи, из встречи как уже состоявшейся синхронизации. Но даже если считать, что эта встреча по факту состоялась, то всё же для этого нужна репрезентация такой их одновременной встречи. Ведь встреча для конечного сущего предстаёт как понятость отношения, которое происходит между мыслью и иным. Однако действительность репрезентации сопряжена с серьёзными сложностями. В культурном мире после постмодерна «субъективность...лишилась действительности онтологического (здесь – трансцендентного) мира и исторической реальности. Осмысление множественности приближается к репрезентации границы субъективности, которая понята как собственное границы и граница как собственное субъективности. А поскольку эти два собственных есть, в общем-то, одно, постольку репрезентация становится тотальным, но бессильным пониманием» [3]. Бессильным потому, что она вынуждена репрезентировать и саму себя, и содержание репрезентируемой встречи. Именно этот фатальный самооборот знаковой репрезентации был предметом деконструкции, а теперь конституирует гибридный мир.

Любое полагание внешнего или внутреннего как приоритетного при очевидности того, что ни внешнее, ни внутреннее не может служить онтологическим и культурным истоком, это и есть постмодернистская ситуация после постмодерна. Продолжать играть в постмодернистские игры после того, как постмодерн закончился, означает либо неосознанное, либо целенаправленное создание имитаций целеполагания в будущее из потускневших осколков прошлого и фантазмагоричных представлений о технологическом прогрессе.

Человек в гибридном мире

Гибридное состояние мира это закономерное состояние мира после постмодерна, его определяющее состояние,

в котором смешанность не руководствуется ни внешним, ни внутренним. В гибридном состоянии и мирно, и конфликтно сосуществуют архаика, классика, модерн, постмодерн. Какой образ культуры сложится в обозримом будущем, зависит от усилий мысли, синтезирующей свою границу с миром и отпускающей синтезированный образ в культурное пространство. В истории философии и культуры можно проследить основные эволюционные шаги в понимании границы субъективности от трансценденции к радикальной имманентности и синхронизации иного и автономной мысли. Граница как энергия и механика полагания субъективности человека в мир не остается неизменной после постмодерна. Остановка (приостановка) границы, полагает Хайдеггер, есть собственное дело границы: «Она не есть нечто такое, что приходит к сущему лишь извне. Ещё менее она есть недостаток в смысле ущемляющего ограничения. Самосдерживающая остановка, идущая от границы, самообладание, в котором удерживается постоянство, есть бытие сущего» [8]. В завершении постмодерна оказалось, что мир стал гибридным и сами границы стали гибридными – граница не может оказаться такой самосдерживающей остановкой, благодаря которой сущее находит свою бытийность.

Следует ли искать выход из гибридности? Вопрос не в том, хороша или плоха гибридность, можно ли с ней (в ней) существовать, а в том, как пространственная гибридность мира соотносится с онтологическим статусом субъективности человека. Гибридность как раз и выражает такой пространственный образ культуры и субъективности в современной истории (постистории), когда основания приоритетности внешнего или внутреннего дезавуированы, однако или внешнее, или внутреннее продолжают претендовать на монополизацию культурного мира. Поэтому, несмотря на равноправное соприсутствие культурных множеств, локальностей в гибридном мире, конфликты между ними продолжают нарастать. Здесь надо ска-

зять, что понятия постистории, постантропологии, постапокалипсиса вовсе не означают и никогда не означали фундаментального разрыва с предшествующей европейской интеллектуальной и культурной традицией, они в гибридном мире даже не могут быть противопоставлены историческим традициям национальных культур.

Показательным примером гибридности современной культуры можно считать феномен постправды. Увеличение количества информации, поглощённость человека ею, ослабление критериев истинности информации вызывает такой эффект, как её обесценивание. Кибервойны, поиск политических, экономических, личных секретов выносят на первый план удручающее отсутствие настоящих тайн и секретов в существовании человека. Человеку нечего прятать, кроме тайны своего существования, которое, как обнаружилось в постистории, лежит на поверхности и не представляет собой никакой тайны. Такой, рассмотренный ещё Ж. Бодрийяром [2], порядок функционирования значений в полной мере можно отнести к гибридности.

Чем с большей явностью открылось отсутствие поистине ценного, что можно было бы спрятать, тем с большей силой прячется это отсутствие истинной тайны. Дезавуирование слабости и тщеты человека разлило пустоту «безосновного основания» (Хайдеггер) по всему нынешнему миру. Предметность общения – вопрос, повисший в пустоте, поскольку ясно, что укрываемые в интимный мир человека личные склонности еще в позднем романтизме (в начале XIX в.) стали

психологической тривиальностью. Но как сделать так, чтобы предметность общения, превышающая обыденность, стала не то чтобы нормой социального бытия, но хотя бы не выдавливалась в маргинальные зоны? Впрочем, может быть, это не столь и бессмысленно, ибо за счёт такого деформационного процесса возникает возможность открытия культурных парадигм, которые как раз выходят за рамки общепринятой традиции. Маргинализация иногда способствует созданию новационных, творческих, культурных смыслов (например, практики раннего христианства), а иногда ведёт к разложению возможных новаций (например, в ослаблении и исчезновении различных христианских ответвлений и сект).

Неомодерн – путь выхода из гибридности¹.

Почему именно неомодерн? Попытка вернуться к докантовской метафизике, это не только наивное и бесплодное желание переложить ответственность за конституирование субъективности на силы, внешние человеку, но и токсичное в своих политических результатах желание. Не менее токсичным для культуры и политики является отказ от репрезентативной манеры рефлексии. В основе философской и философско-политической мысли модерна лежит трансцендентальная парадигма рефлексии, фундаментально основанная на репрезентации. В классическом своём варианте она сформулирована Кантом, а после него развит Гуссерлем и Хайдеггером.

¹ Сегодня о политическом толковании неомодерна в международных отношениях разворачивается дискуссия: Кортюнов А. От постмодернизма к неомодернизму, или воспоминания о будущем // Российский совет по международным делам. 30.01.2017. [http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vospominaniya-o-budushch/?sphrase_id=2602392 / доступ от 13.11.2017]; Кузнецов В. Постсекулярный век неомодерна. Ближневосточный извод // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. №3. с.85-111; Алексеев Е. Возрождение «домодерна» // Российский совет по международным делам. 31.03.2016. [<http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozrozhdenie-domoderna/> / доступ от 13.11.2017]; Гибелев И. Неомодерн, транзакционизм, пространство // Российский совет по международным делам. 02.05.2017. [http://russiancouncil.ru/blogs/igor-gibelew/33615/?sphrase_id=2603113 / доступ от 13.11.2017]. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть настоятельную необходимость содержательно-философской концептуализации понятия неомодерна и описание культурно-исторической и политической специфики современности, которые из этой концептуализации следуют.

Фундаментальное положение философского модерна, выраженное ещё в первой критике Канта и, следовательно, неомодерна, заключается в ответственности разума за полагание горизонта, в котором открывается природа, то есть единство природы обретается в культуре. Природная причинность может быть понята как свобода тогда, когда разум в своих собственных границах определит возможности самопонимания и понимания мира без догматической метафизики. Что онтологизм трансцендентальной феноменологии, прошедший горнило постструктуралистской критики, есть действительное основание неомодерна, становится ясным лишь:

- после историзации трансцендентального субъекта и его превращения в практического субъекта в философии Гегеля;

- после становления трансцендентальной феноменологии Гуссерля и фундаментальной онтологии Хайдеггера;

- после постмодернистской критики трансцендентализма.

И только сегодня, когда складывается ситуация пространственного поворота, открывается возможность возобновить содержательное обсуждение вопроса конституирования границы субъективности с позиции трансцендентальной мысли. Для того, чтобы неомодерн стал действительным воплощением философских принципов модерна, необходимо обнаружить и/или сконструировать условия возможности достраивания границы субъективности до целостности. Такое достраивание, указывает О.К. Румянцев, есть обоснование участия инаковости, иного в конституировании границы субъективности и разворачивается как пространственный поворот. Пространственный поворот является толкованием современного образа субъективности, отличной от пространственности гибридного мира [7]. Существенно, что речь в случае определения мысли к самоопределяемости идёт о сакральной трансценденции. Также в таком случае следует задать вопрос, существует ли (в какой мере и в каком смысле) транс-

ценденция в нетрансцендентности как живая историческая сила и как сила личной обращенности Иного к человеку, если принять условие, что историческое водительство культурных смыслов, в которых представлен смысл сакрального трансцендентного сегодня стоит под вопросом.

Но что означает участие иного в конституировании границы в гибридном, постисторическом мире, где, с одной стороны, авторство иного опознано как обязательная составляющая достраивания субъективности до целостности, но предстаёт в то же время как элемент культурного множества? Можно спросить и по-другому: если принять действительность современной онтологии в связи с запретом на трансцендентность, то каким образом радикально иное может присутствовать в нетрансцендентном мире? И это при том неотменимом условии, что без участия иного в полагании и тематизации границы человека с миром эта граница не может избавиться от парадоксальности, дисгармонии, не может быть экологичной? Эти вопросы должны получить отдельное подробное освещение. Сейчас можно лишь указать на самые общие и предварительные условия, которые должны быть соблюдены для дальнейшего обсуждения.

Во-первых, нельзя вернуться к «самой реальности», поскольку трансцендентальная философия показывает, что «сама реальность» есть встреча конструирующих способностей разума и внемысленности иного, причём такая встреча, которая в качестве встречи получает свое полное завершение только в репрезентации. Намерение вернуться к так называемой реальности – это, конечно же, фантомное желание (по выражению А.Ю. Шеманова, это «фантомная боль отсеченной субъективности» [10]). В современной политике этому болезненно-патологическому опыту соответствует регресс к архаическим и домодерновым образам социальности.

Во-вторых, нельзя цепляться и за конструирующие способности разума, безответственные в отношении само-

достаточного существования иного. Философско-политическая парадигма конструктивизма в международных отношениях и международной политике показала свою монструозность как колониальная политика или внутренняя колонизация, а постколониальные процессы и внутренняя деколонизация нередко также являются разрушительными.

Стратегия универсальных общечеловеческих сегодня испытывает деструктивное воздействие естественной установки жизненного мира, сил, равно

адресующихся архаичному прошлому и неолиберальному глобализму. Развитие национальных и международных политических институтов как направленное в будущее требует такого достраивания универсальной границы субъективности, в содержании которой должны обязательно учитываться не только исторические особенности локальных культур, но и универсальность культуры. Последнее как раз является фундаментальным основанием для опознания национальных культур и их признания уникальными.

Список литературы:

1. Бибихин В.В. Новый Ренессанс. М.: МАИК «Наука», «Прогресс-Традиция», 1998. 274 с.
2. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 199 с.
3. Гибелев И.В. Субъективность: граница как собственное и «собственное» границы // Международный журнал исследования культуры. 2013. №3(12). С. 41-49.
4. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000. 291 с.
5. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Разум на пути к истине. М.: «Правило веры», 2002. С. 151-213.
6. Лукин В.П. Глобальность деглобализации // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/global-post-deglobalizatsii/> (дата обращения: 09.11.2017).
7. Румянцев О.К. Пространственный поворот и трансформация границы субъективности человека (к постановке проблемы) // Личность. Культура. Общество. 2015. Т.17. №3-4. С. 91-107.
8. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: НОУ «Высшая религиозно-философская школа», 1998. 302 с.
9. Черняк Л.С. Вечность и время: возвращение забытой темы. М.; СПб.: Нестор-История. 2014. 681 с.
10. Шеманов А.Ю. Становление субъективности в процессе образования и форма культурной репрезентации // Антропология субъективности и мир современной коммуникации: сборник статей. М.: РИК, 2010. С. 49-83.
11. Borderlines and borderlands: political oddities at the edge of the nation-state / edited by A.C. Diener and J. Hagen. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. 181 p.

Об авторе:

Гибелев Игорь Владимирович – к.филос.н., директор ООО НПО «ИнтелКом». Россия, 308504, г. Белгород, мкр. Таврово-2, пер. Дачный-11. E-mail: gibelew@yandex.ru.

A MAN IN THE HYBRID WORLD. BORDERS AFTER POSTMODERN

I.V. Gibelev

Abstracts. *The article discusses philosophical conditions for understanding the cultural situation taking shape with the end of postmodernity. The methodological basis of the discussion is an ontological interpretation of transcendental phenomenology, where the problem of human subjectivity comes to a foreground. Depending on the conceptualized in different manners of reflection (post-structuralist, transcendentalist, etc.) image of subjectivity, different images of cultural and political reality are being built. By now, the border of subjectivity has not yet taken shape in a way to define cultural meanings of the present as open to the future. The existing cultural situation is an equal co-presence of logocentrism and deconstructionism that constitute the hybrid nature of culture.*

In a hybrid world the intention to insist on the priority of the postmodern or logocentric image of the world (associated with archaic, pre-modern or globalism) is equally unreasonable and destructive. This equal coexistence became paradoxical - transcendental philosophy (for example, through Husserl and Heidegger) and postmodern offers different ways of constructing the borders of subjectivity that find their set in culture, but none of the paradigms can produce the integrity of subjectivity. The reason is in the way "philosophical modernist thought" constructs the relation between the thought and the out-of-thought – in the claim of the thought's complete authorship in relation to the other. Postmodern acted as the modernity self-criticism, however the offer for ecological solution to the problem of subjectivity and positive definitions of culture after postmodern is affair of transcendental philosophy. Namely the completion of postmodernism suggests that conditions for the resumption of transcendental philosophy emerge in its phenomenological and ontological sense, bearing in mind the lessons of poststructuralist criticism.

The state of culture, in which the border of subjectivity can be synthesized within the framework of an ontological interpretation of transcendental phenomenology and after postmodernist criticism of culture, previously can be defined as "neo-modern". Such a preliminary definition requires a concrete grounding, but even now one can find the necessity to debate the forms of the possible presence of the sacred horizon of transcendence in a radically non-transcendent world. If philosophy finds an ecological relation between the transcendent and non-transcendent in the structure of subjectivity border then other culture borders will be harmonized.

Key words. *Subjectivity border, transcendental phenomenology, postmodern, borders in culture, political borders, hybridity, neo-modern.*

References:

1. Bibichin V.V. *Novyj Renessans* [The new Renaissance]. Moscow: MAIK «Nauka», «Progress-Tradicija», 1998. 274 p. (In Russian).
2. Bodriyar J. Paroli. *Ot fragmenta k fragmentu* [Passwords. From fragment to fragment]. Ekaterinburg.: U-Factoriya, 2006. 199 p. (In Russian).
3. Gibelev I.V. Subjectivnost: granitsa kak sobstvennoye i "sobstvennoye" granitsy [Subjectivity: the border as own and "own" of border]. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniya kul'tury - International Journal of Cultural Research*, 2013, no.3(12), pp. 41-49 (In Russian).
4. Derrida J. *Pismo i razlichie* [Writing and Difference]. Saint-Petersburg: Akademicheskij Proect, 2000. 291 p. (In Russian).
5. Kireevskiy I.V. O caractere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniu Rossii [About the character of European Enlightenment and its relation to Enlightenment in Russia]. *Razum na puti k istine* [The mind towards truth] Moscow: «Pravilo very», 2002. pp.151-213 (In Russian).
6. Lukin V.P. Globalnost deglobalizatsii [Globality of deglobalization]. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam - Russian international affairs council*. Available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/globalnost-deglobalizatsii/> (accessed 09 November 2017) (In Russian).

7. Rumyantsev O.K. Prostranstvennyj povorot i transformatsija granitsy subjectivnosti cheloveka (k postanovke problemy) [The spatial turn and human subjectivity's border transformation]. *Lichnost. Kultura. Obschestvo - Personality. Culture. Society*, 2015, V.17, no.3-4, pp. 91-107 (In Russian).
8. Haidegger M. *Vvedenie v metaphisiku* [Introduction to a metaphysic]. Saint-Petersburg: NOU «Vysshaja religiozno-filosofskaja shkola», 1998. 302 p. (In Russian).
9. Chernyak L.S. *Vechnost i vremya: vozvrashchenie zabytoj temy* [Eternity and Time: the return of forgotten theme] Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 681 p. (In Russian).
10. Shemanov A.U. Stanovlenie subjectivnosti v processe obrazovaniya i forma kulturnoj reprezentacii. [The genesis of subjectivity in education and the form of cultural representation]. *Antropologija subjectivnosti i mir sovremennoj kommunikacii: sbornik statej* [Anthropology of subjectivity and the world of contemporary communication: a collection of articles]. Moscow: RIK, 2010. pp. 49-83 (In Russian).
11. Borderlines and borderlands: political oddities at the edge of the nation-state / edited by A.C. Diener and J. Hagen. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. 181 p.

About the Author:

Igor V. Gibelev – PhD of Sciences (Philosophy), Director of NPO “IntelKom” Ltd. 308504, Belgorod, distr. Tavrovo-2, Dachny alley-11. E-mail: gibelev@yandex.ru.